

ЯЗЫЧЕСКАЯ РУСЬ (генезис государственности в IX–X вв.)

Причины, хронология, основные этапы и обстоятельства возникновения государственности в восточнославянском обществе поныне остаются мало изученными, хотя эта тема уже более 200 лет пребывает в фокусе внимания наших историков. Существующие теоретические построения страдают излишними социологичностью и схематизмом, опираясь больше на формальную логику, чем на объективный анализ свидетельств источников, пусть малочисленных и зачастую противоречивых. Почти все исследователи сошлись во мнении, что Древнерусское государство родилось из союзов восточнославянских племен и племенных княжений VI–IX вв., но реальные пути его генезиса все еще остаются едва намеченными.

Долгое время советские историки абсолютизировали роль общественно-экономических отношений в жизни общества. Состоянием производительных сил и производственных отношений, условиями их развития универсально и прямолинейно объясняли едва уловимые источниками особенности жизни духовной, культурной и религиозной. Ныне наши псевдопатриоты и запоздалые ниспровергатели марксизма ударились в иную крайность, вообще отбрасывая значение общественно-экономических факторов в эволюции человечества и рассматривая как самостоятельные и независимые от суровых реалий жизни процессы истории, культуры, духовности, религии. Дошло до того, что в научных кругах стало „модным” вообще избегать понятий, связанных с формационным изучением исторического процесса: родо-племенной строй, феодализм, капитализм и др. Даже у нас в институте заменили название отдела истории феодализма на

Украине на отдел истории средних веков (правда, сначала это сделали в Москве). Между тем, это разные по смыслу и не синхронные по времени понятия. Так, производственные феодальные отношения на Украине продолжались до конца XVIII в., тогда как период средневековья завершился не позднее последних десятилетий XVI в.

Как бы кому-то не хотелось поскорее избавиться от марксистского влияния на исторософию, приходится признать, что формационное изучение исторического процесса принадлежит, на мой взгляд, к главным теоретическим основам науки нашего времени. Большинство серьезных ученых у нас и за рубежом постоянно используют термины феодализм и капитализм. Эти понятия зародились задолго до того, как к ним обратились К. Маркс и ф. Энгельс. Они отражают объективную реальность исторической эволюции общества, подчеркивая главное в человеческих отношениях: характер собственности, социально-экономические и иерархические отношения между членами общества, структуру последнего.

Для примера обращусь к творчеству одного из крупнейших теоретиков истории средневековья Жака Ле Гоффа. Он считает, что феодальная система была универсальным способом экономической эксплуатации, „схема которой при всех географических и хронологических вариациях остается одной и той же”. Для Ле Гоффа феодализм – „это прежде всего система личных связей, иерархически соединяющих членов высшего слоя общества. Эти связи имели реальную основу – бенефиций, которым сеньор жаловал своего вассала...”¹. Однако Ле Гофф не абсолютизирует роль феодальных отношений в обществе. Не следует делать этого и нам. Вульгаризация теоретических достижений прошлого, в том числе и марксизма, принесла нашей науке немало бед.

Именно упрощенным и догматическим пониманием и толкованием общественно-экономического развития человечества и была порождена теория, донныне господствующая в украинской и российской науке, будто бы государственность непременно является продуктом классового общества, касательно славян – феодального. Засвидетельствованное письменными источниками существование государственности, в нашем случае – древнерусской, признавалось и до сих пор признается почти всеми нашими историками решающим доказательством бытования феодального способа производства на Руси. Этот в самой своей сущности парадоксальный тезис долгое время не поддавался сомнению. Даже такой тонкий знаток древнерусской истории, как Л.В. Черепнин разделял ее: „Очень трудно опре-

делить: где искать грань, с которой можно было бы начинать историю феодальной формации. Если понимать под последней систему социально-экономических отношений и соответствующих им политико-юридических форм, то, очевидно, такой гранью может служить образование феодального государства. На Руси это произошло в конце IX в.² Вне сомнения, ученый имел в виду объединение восточнославянских Севера и Га, ознаменованное утверждением князя Олега в Киеве в 882 г., согласно сомнительной для IX и начала X вв. хронологии „Повести временных лет”. Однако нет прямых доказательств того, что Древнерусское государство было феодальным.

Трудно возразить против тезиса, что исследование предпосылок рождения древнерусской государственности следует начинать с конца V–VI вв. — времени создания союзов племен, расселявшихся по восточноевропейской равнине³. Подобное исследование связано с трудно преодолимыми трудностями источникового характера. Ведь главный наш письменный источник „Повесть временных лет” в рассказе о расселении славян опирается почти исключительно на фольклорную традицию и поэтому страдает легендарностью, обобщенностью сведений о славянских племенах, неясностью хронологии их распространения в Восточной Европе и объединения в большие и малые союзы.

Историки уже давно обратили внимание на то, что в рассказах Нестора о расселении восточных славян, возникновении у них княжеской власти не существует обозначений для этнокультурных и политических общностей различных уровней. Для удобства дифференцирования этих общностей историки пользуются понятиями племя и союз племен. Однако сам летописец во всех случаях употребляет термин „род” — при изложении и ранней (VI–VIII вв.), и позднейшей (IX–X вв.) истории восточного славянства. У Нестора и неизвестного нам составителя Новгородской первой летописи младшего извода это слово обозначает и род в собственном значении этого понятия, и племя, и союз племен, и племенное княжение, и даже крупные этнокультурные общности, „народы” („род словенский”, „род ляхов”, „род варяжский”).

Современные историки согласны с тем, что поляне, древляне и др. общности Нестора представляли собой союзы восточнославянских племен. Знаменитый польский славист Х. Ловмянский определил модель позднплеменного устройства в славянском мире таким образом: все без

2 Л.В. Черепнин Русь.: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Пути развития феодализма. М., 1972. С.145.

3 См. об этом подробнее: Н.Ф. Котляр: Утворення Давньоруської держави. Київ, 1993.

исключения славяне имели двуступенчатую территориальную структуру, нижнюю ступень которой можно назвать малым племенем, в высшую – большим. По его мнению, среди восточных славян малыми племенами были полочане, жившие на ограниченном пространстве в бассейне р. Полоты, и, возможно, радимичские печанцы. Наверное, малые племена входили в состав больших, таких как поляне или северяне⁴. Следовательно, под малыми и большими племенами Ловмянский понимал союзы племен. Поэтому предложенная им структура славянского общества в сущности не дву-, а трехступенчатая: племя – малый союз – большой союз племен.

Можно думать, что на стадии существования союзов племен общественный строй восточных славян сохранял демократические черты. Верховным органом племени и, возможно, малого союза племен было собрание (вече) всех его свободных членов. Вместе с тем, на этой стадии уже существовала племенная знать, хотя, по меткому замечанию Ловмянского, „ее контуры не очень определены”. По-видимому, знать складывалась из верхушки нескольких привилегированных родов, из среды которых общее собрание избирало вождей и старейшин. В союзах племен верхушка отделилась от массы свободных общинников в общественном и имущественном отношениях. Однако власть вождей на этом этапе еще не была индивидуально наследственной – ее наследовали определенные роды.

Интенсификация процессов разложения родоплеменного строя, появившаяся в усилении социальной и имущественной дифференциации, укреплении позиций знати, следовательно, в кардинальных изменениях в обществе, а также в ускорении экономического развития постепенно привела к созданию на базе союзов племен образований более высокого социального уровня: племенных княжений. Хронология этого явления неясна. Можно предположить, что на юге, где по меньшей мере до XI в. социальные и экономические процессы развивались быстрее, чем на севере, племенные княжения существовали уже в VIII в. На севере же они складывались не ранее IX в.

Сдвиги в социальной и политической структуре восточнославянского общества, приведшие к созданию племенных княжений, были большими и принципиальными. Как образно писал Л.Г. Морган, „народ стремился перейти из родового общества, в котором жил с незапамятных времен, к политическому обществу, основанному на территории и собственности”⁵.

4 Ловмянский Г. Основные черты родо-племенного раннефеодального строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев. 1972. С.9–10.

5 Л.Г. Морган: Древнее общество. Л., 1934. С.126.

Правда, территориальная организация общества была на стадии племенных княжений еще впереди, но частная собственность и связанное с ней имущественное и социальное расслоение стали, думаю, одним из главных факторов перехода от союзов племен к племенным княжениям. Важное, если не решающее, значение феномена возникновения частной собственности в движении общества на пути разложения родоплеменного строя отмечает и современная этнология⁶. Американский этнолог Э. Сервис и многие его коллеги называют общество переходного типа от племенного строя к государству термином чифдом (chiefdom) — „вождество”. Он отмечает, что в подобном обществе основополагающее значение имеет форма перераспределения общественного продукта. Следовательно, в доступе к получению жизненных благ Сервис видит основу для выделения и взлета вождей племенной аристократии⁷.

Власть племенных вождей и глав племенных княжений опирались на военную силу и систему укрепленных поселений-градов, о большом количестве которых у восточных славян к середине IX в. сообщает Баварский географ. В племенных княжениях в ряде случаев возникали уже не просто укрепленные поселения, а протогорода, некоторые из которых в течение IX–X вв. превратились в настоящие города. Возможно, в племенных княжениях существовал в зародыше и примитивный аппарат власти. Но в них не было социально обособленной потомственной знати с князем и его дружиной, еще не зарождалась подлинная княжеская власть, как думают некоторые историки у нас и за рубежом⁸. Хотя источники постоянно называют племенных вождей князьями, это не означает, что они были ими в действительности. Князь в истинном понимании этого слова появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнет рождаться государственность.

Племенные княжения не были начальной формой государственности, это еще догосударственные образования. Вместе с тем, они стали фундаментом создания государственности и непосредственными предшественниками первого настоящего восточнославянского государства, которое возникло в Среднем Поднепровье в середине IX в.

Прежде чем решать вопрос о времени создания первого государственного образования на Руси, следует определить его признаки. Считаю, что

6 См. напр.: M. Fried: *The Evolution of Political Society*. N. Y. 1967. P.185–186.

7 E.R. Service: *Origine of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y. 1975. P.15–16, 74–75 etc.

8 См. напр.: Б.Н. Флоря: *Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства // Раннефеодальные государства и народности*. М., 1991. С. 192.

для времени формирования Древнерусского государства (конец IX–X вв.) этими формами были: окняжение территорий, в нашем случае – подчинение власти центра земель племенных княжений и порожденное им распространение на эту территорию систем взимания дани, управления (администрации) и судопроизводства. Свидетельства об этом появляются в источниках с середины IX в. Отчуждение носителей власти от других жителей страны проявилось, в частности, в выдвижении единоличных и наследственных правителей, что отразилось в формулировках летописей, рассказывающих о восточнославянском обществе. Со второй половины IX в. известия летописей о восточнославянском обществе персонифицируются, – они называют имена князей, – чего не было до этого⁹.

Летопись дает определенные основания утверждать, что первое восточнославянское государство возникло в Среднем Поднепровье к середине IX в. Однако современное состояние изученности проблемы социально-экономических отношений на Руси позволяет считать, что феодальные отношения начинают складываться здесь по крайней мере с конца X в. – лишь тогда в источниках начинают проступать их признаки. Следовательно, процессы образования государственности начались и долгое время проходили в обществе, бывшем преимущественно родоплеменным. Ничего не может изменить принципиально признание этого общества переходным (от родоплеменного к феодальному), поскольку ростки нового уклада тогда еще едва лишь проклевывались, не изменяя социально-экономической сущности общества.

Первое, как мне кажется, безусловное свидетельство источника о существовании древнерусской государственности относится ко временам вскоре после утверждения Олега в Киеве (около 882 г.): „Се же Олег нача города ставити и устави дани словенам, кривичам и мери...“¹⁰. Был установлен порядок взимания дани на подвластных князю землях, которые подобным образом окняжались; создавались также опорные пункты центральной власти в племенных княжениях. Однако существует летописное известие, позволяющее думать, что процессы огосударствления территории Руси имели место на юге уже во времена Аскольда и Дира. Авторитетный источник, по мнению А.А. Шахматова, полнее всего отразивший извод 1037–1039 гг. и позднейшие изводы, – Новгородская первая летопись младшего извода, уверенно отметил: „И по сих братьи той [Кие, Щеке и ориве. – Н.К.] приидоста два варяга и нарекохася князема: одному бо имя Аскольд, а

9 См. об этом подробнее: Н.Ф. Котляр: Утворення Давньоруської держави. С. 23–24.

10 Повесть временных лет. Ч.1. М.-Л., 1950. С. 20 (далее ссылки будут даваться в тексте: ПВЛ.1.).

другому Дир; и беста княжаща в Киеве и владеюща полями [полями — Н.К.]; и беша ратнии с древляны и с уличи¹¹. В свете этого сообщения делаются понятными позднейшие войны Олега и, особенно, Игоря с этими же „племенами”. В обоих случаях речь шла об окняжении территорий племенных княжений, прежде всего об обложении их данью.

На мой взгляд, это свидетельство Новгородской летописи подкрепляется известием Никоновской летописи под весьма условным 865 г.: „Того же лета воеваша Аскольд и Дир полочан и много зла створиша”¹². Последнее сообщение перекликается со словами Нестора под 862 г.: „И приа власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи” (ПВЛ.1. С. 18).

Наконец, в пользу утверждения о существовании в Среднем Поднепровье во времена Аскольда общества, которому были свойственны значительная организованность, а также социальное расслоение (то, что М. Фрид и много иных зарубежных этнологов называют стратифицированным обществом), с четко выраженной и персонифицированной княжеской властью, — а это уже четкий признак государственности! — свидетельствует и знаменитый поход под водительством этого князя на Царьград в 860 г. (в „Повести временных лет” он описан под ошибочным 866 г.). Грандиозные масштабы похода, отраженные древнерусской летописью и византийскими современниками, например, патриархом фотием, препятствуют поверхностному суждению о нем, как о типичном для позднего родоплеменного строя набеге варваров на богатых соседей — это было уже внешнеполитическое действие молодого государства.

Как мне кажется, Киевское княжество Аскольда стало этносоциальной и политической сердцевинкой, вокруг которого начало нарастать Древнерусское государство. Но, предлагая считать временем рождения первого восточнославянского — еще не Древнерусского! — государства середину IX в., не могу отрицать того, что все же систематические сведения о создании государственности на Руси начинаются в летописях с последних двух двадцатилетий этого столетия. Утверждение Олега в Киеве было решающим шагом на пути государственного строительства в восточнославянском обществе. Русский Север был объединен с русским же югом, а Киев — провозглашен столицей возникающего государства: в уста Олега летописец вложил знаменательные слова: „Се буди мати градом русьским” (ПВЛ.1. С.20).

11 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С 106.

12 Полное собрание русских летописей. Т.9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 97.

Складывание древнерусской государственности проходило в условиях господства язычества, отличавшегося пестротой и большими локальными особенностями в различных землях огромного пространства Восточной Европы. Отсутствие единой идеологической системы затрудняло процессы государственного строительства. Так продолжалось вплоть до начала правления Владимира Святославича.

Итак, восточнославянская государственность сложилась и долгое время развивалась в обществе, которое оставалось родоплеменным. Предлагаю назвать первое восточнославянское государство середины IX – большей части X вв. *надплеменным*, поскольку власть не только отделилась от массы народа, но и поднялась над самой племенной верхушкой, приобрела индивидуальный и наследственный характер. Эта пропасть между верховным сувереном и его окружением с течением времени делается все ощутимее. Это государство было организовано уже по территориальному признаку и этим решительно отличалось от предшествовавших ей структур. Таким была социальная сущность Древнерусского государства IX–X вв.

Договоры с греками и уже первый из них, 911 г., представляют Русь как совокупность населения всех ее земель. Она выступает в этом договоре не только как особая политическая общность со своей верховной властью, собственными „законами” и „поконами”, но и как общность ее народа. В преамбуле соглашения 911 г. послы Олега и других князей выступают „от рода рускаго” (ПВЛ. I. С. 25). А в договоре Игоря с Византией подчеркивается, что послы представляют как Игоря и „всякое княжье”, так и „всех людей Руския земля”. А далее „люди вси русии” названы в качестве полноправных участников русско-византийского договора (ПВЛ. I. С. 35).

Что же касается формы древнерусской государственности IX–X вв., то следует принять удачное определение, предложенное известным скандинавистом Е.А. Мельниковой: *дружинное государство*¹³. Господствующий класс подобного государства был представлен верхушкой дружины, из ее членов состоял в течение IX–X вв. элементарный аппарат управления. Дружина также осуществляла сбор дани и судебные функции.

Возвращаясь к теме формирования древнерусской государственности, обращаю внимание читателя на то, что социальная структура Киевской Руси времен Олега и Игоря представлена в договорах с Византией следующим образом: киевский князь, светлые и великие князья или „всякое княжье”

13 Е.А. Мельникова: К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 39.

(вожди племенных княжений)¹⁴, великие бояре и люди все русские. Дружинники в текстах договоров Руси с греками вовсе не названы. Однако великие бояре и, наверное, племенные князья и были членами дружины, составляя ее привилегированную верхушку. Из них же состоял примитивный аппарат управления.

Возникновение дружины у славян как социальной прослойки и военного института историки относят к разным временам: от VI до первой половины X в.¹⁵ Мнения исследователей разделились также по поводу стадии общественного развития, на которой создаются дружины. Т. Василевский напрасно, на мой взгляд, усматривает возможность складывания дружины в родоплеменном обществе. Ему возразил Х. Ловмянский, который эту возможность считал весь гипотетической, да и то тогда речь могла идти не о постоянной дружине, а о временной, которая создавалась в целях однократного набега на соседей¹⁶. Последнее время над этой темой работал А. Горский. Он полагает, что институт дружины был свойственен обществам эпохи генезиса феодализма, а дружинная знать формируется в период складывания раннефеодальных обществ¹⁷. Работам А. Горского вообще присуща определенная модернизация восточнославянского общества IX–X вв. Он видит в нем даже домениальное землевладение киевских князей. В действительности, оно возникло одним-двумя столетиями позднее.

Как мне представляется, дружина представляла собой продукт не столько решительного изменения отношений в обществе, сколько зарождения и развития государственности. В руках князя она была средством принуждения и управления, взимания дани, защиты собственных интересов и населения страны от врагов. Характерно, что А. Горский в подтверждение своих взглядов приводит археологические материалы, свидетельствующие о сосредоточении наиболее мощных контингентов дружинников в ядре государства, в Среднем Поднепровье¹⁸. А это как раз и свидетельствует о государственнообразующей деятельности дружины на этапе становления восточнославянской государственности.

14 Эти светлые и великие князья не были членами семейства Рюриковичей, что давно уже доказано наукой (см.: А.В. Пресняков: Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 28).

15 См. обзор мнений: А.А. Горский: Древнерусская дружина. М., 1989. С. 10–11 и др.

16 Т. Василевский: Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств. // Становление раннефеодальных славянских государств; Ловмянский Г. Указ. соч. С. 12.

17 А.А. Горский: Указ. соч. С. 118, 35.

18 Там же. С. 29.

Соотношение дружины и аппарата управления достаточно подробно рассмотрено в книге А.Горского. Мне же хочется остановиться на связях князя и дружины, освещающих особенности социального и политического устройства Древнерусского государства IX–X вв. Следует постоянно помнить о том обстоятельстве, что свидетельства об этом заимствованы летописцами главным образом из фольклорных источников, поэтому им присущи хронологическая неопределенность и, главное, идеализация княжеско-дружинных отношений.

Интересно отметить, что в „Повести временных лет” известия об отношениях между князем и дружиной берут начало лишь со времени правления Игоря в Киеве (после 912 г.). Да и само слово „дружина” появляется в этом источнике позднее, только в описании первого похода Игоря на греков 941 г. (ПВЛ. I. С. 33). Возможно, это не случайно и может свидетельствовать о резко возросшей роли дружины в обществе первой половины в. и превращении ее верхи в аппарат государственного управления и совет при князе. В ходе второго похода на Византию 944 г. Игорь „созва дружину и нача думати” по поводу предложения императора подписать мир. Дружинники предложили князю взять золото, паволоки и не воевать греков. И „послуша их Игорь” (ПВЛ. I. С. 34). Как тонко заметил В.И. Сергеевич, „дружине нельзя приказывать, ее нужно убедить”¹⁹. Так было, вероятно, до установления раннефеодальной монархии на Руси при Владимире Святославиче.

Игорь в летописи выглядит зависимым от своей дружины князем. Следует думать, что государственная центральная власть тогда не была достаточно сильной, а сам он, кажется, не обладал достаточным авторитетом среди воинов. Из летописи следует, что Игорь не имел столь сильного и независимого характера, как его суровый предшественник Олег. Поэтому Игорь слушается дружину не только в деле заключения мира с Византией. Дружина побуждает князя отправиться в последний, гибельный для него поход за древлянской данью... Но уже преемница и жена Игоря Ольга выступает на страницах летописи независимой в своих государственных поступках от собственных дружинников.

Властители Руси второй половины X в. Святослав и Владимир изображены в летописи как истинные дружинные князья. Их образы идеализированы. Таким воспет Святослав в рассказе „Повести временных лет” под 964 г. о начале его самостоятельного княжения. Дружина во всем слушается своего князя, но и он считается с ее мнением и ценит его. На уговоры Ольги

19 В. Сергеевич: Русские юридические древности. Т. I. Территория и население. СПб., 1890.. С. 305.

креститься Святослав отвечает: „Како аз хочю ин закон прияти один? А дружина моя сему смеяться начнуть?!” (ПВЛ.1.С.46). Охотно и подробно рассказывает Нестор о внимании Владимира Святославича к дружине: вспомним эпизод с заменой дружинникам деревянных ложек серебряными. Своеобразным апофеозом дружинности как общественному явлению звучат слова летописца: „Бе бо Володимер любя дружину и с ними думая о строи земленом и о ратех, и о уставе земленом” (ПВЛ.1.1.86). Разумеется, советниками Владимира были не несколько сотен его дружинников, а лишь верхушка, которая составляла и аппарат управления, взимания дани и судопроизводства, а также княжеский совет.

Есть основание утверждать, что во времена Владимира завершается существование дружинной формы государственности. В рассказах летописи о его сыне Ярославле дружина играет уже исключительно военную роль. Но и Ярославу до времени приходилось считаться с ней. Рассказывая под 1019 г. о его вокняжении в Киеве, Нестор не забывает упомянуть и про дружинников князя: „Ярослав же седе Кыеве, утер пота с дружиною своею” (ПВЛ.1.98). Однако после этого об отношениях Ярослава с дружиной в летописи не упоминается. Хотя и в описании событий первой половины XI в. летописцы, следуя за своими фольклорными источниками и отдавая дань общественному мнению, в котором так много значила традиция, продолжают воспевать любовь к дружине как высшую княжескую добродетель. Брата Ярослава Мстислава, тмутараканского, а далее черниговского князя, источники изображают последним дружинным властелином. В посмертном панегирике Мстиславу торжественно сказано, что он „любяше дружину по велику” (ПВЛ.1.С.100,101). Тогда как в большой посмертной похвале Ярославу превозносится мудрость князя, но его боевая дружина не упомянута ни одним словом.

По моему мнению, *надплеменное дружинное государство* на Руси IX–X вв. прошло *три этапа развития*. Начальный этап охватывал времена Олега и Игоря (882–944 гг.). Ему присущи неопределенность государственной территории, слабость связей между отдельными частями государства, сохранение значительной автономии племенных княжений. Дань собиралась в примитивной и насильственной форме „полюдь”.

Значительным, если не решающим препятствием на пути строительства государства на Руси были племенные княжения. Источники свидетельствуют, что они сохранились и после того, как государственность уже возникла. Племенные княжения входили в состав государства. Придерживаясь мнения, что по меньшей мере до конца в. Киевская Русь была своеобразным федеративным государством. Вплоть до последней четверти

XI в. существовало племенное княжение вятичей, о подавлении и присоединении которого к государству рассказывает в своем „Почении” Владимир Мономах (ПВЛ.1.С.519). Другие княжения закончили свое существование столетием ранее. Ведь Древнерусское государство сложилось путем подчинения и инкорпорации племенных княжений. Но, даже войдя в состав этого государства, они долгое время владели заметной автономией, в чем убеждают свидетельства летописей о военных мероприятиях киевских князей конца — первой половины XI в.

Когда Олег отправился из русского Севера на Юг овладеть Киевом, он „поим воя многи, варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи” (ПВЛ.1.С.19). В поход вместе с ним двинулись представители тех славянских и неславянских племенных княжений, которые еще до утверждения варяжской династии на Руси образовывали конфедерацию. Выходцы из этих же княжений пошли в составе войска Олега на Царьград в 907 г., а вместе с ними: „и древляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и тиверци, иже суть толковины” (ПВЛ.1.С.29). В летописном тексте названы главные племенные княжения, к тому времени признавшие власть киевских князей.

Это признание было вынужденным. Рассказывая о том, как Олег заставил радимичей платить дань ему, а не хазарам, Нестор завершает эту историю словами: „И бе обладая Олег поляны, и древляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и теверцы имяше рать” (ПВЛ.1.С.20-21). Летопись донесла до нас яркую и напряженную картину сколачивания государства киевским князем. Эта картина отличается динамичностью: одни княжения уже подчинены и обложены данью, с другими еще воюют. То же происходило и при преемнике Олега Игоре.

Когда в 943 г. Игорь двинулся проторенным его предшественниками путем на Царьград, он „совокупив вои многы, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги наа” (ПВЛ.1.С.33). Количество названий племенных княжений, поставивших воинов Игорю, заметно уменьшилось в сравнении с упомянутыми в войске Олега. Тиверцы уже не толковины (союзники), а названы среди других княжений, вошедших в состав молодого государства. На мой взгляд, этот текст является свидетельством в пользу неуклонности процесса консолидации Древнерусской державы, последовательно поглощавшей племенные княжения.

О немалой автономии племенных княжений рассказывают древнейшие памятники русского международного права — договоры Руси с греками. Вследствие успешного похода на Царьград 907 г. Олегу удалось подписать выгодное для Руси предварительное мирное соглашение с Византией. Об условиях соглашения летопись, в частности, сообщает: „Заповеда Олег ...

даяти уклады на рускыя грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславъ, на Полтеск (Полоцк - Н.К.), на Ростов, на Любеч и на прочаа города, по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще". При подписании текста окончательного русско-византийского договора 911 г. русские послы заявили грекам: „Послани от Олга, великаго князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр" (ПВЛ. I. С. 24, 25, 26).

„Эти светлыи и велиции князи" могли быть только главами племенных княжений, входивших тогда в состав государства. Подчеркнуто-уважительное отношение к ним киевского князя свидетельствует, что они обладали силой и влиянием в обществе, наверное, в самом княжеском окружении, и с ними приходилось считаться верховному сюзерену. Возможно, эти князья или люди, к ним близкие, пребывали, пусть даже номинально, в дружине Олега во время похода и переговоров с греками. Но через три десятилетия в договоре Игоря с греками 944 г. встречаем уже иную формулу: „послы были послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякого княжья, и от всех людей Руския земли". Далее послы молвят: „И великий князь наш Игорь, и князи и боляри его, и люди вси рустии послаша ны..." (ПВЛ. I. С. 35).

В соглашении Руси с греками 944 г., следовательно, уже нет почти-тельных упоминаний о „светлых и великих князьях", а вместо этого использована не то что менее торжественная, а прозаическая формулировка: „всякое княжье" и просто „князи". Нет даже уверенности в том, упомянуты ли здесь главы племенных княжений или члены семейства Игоря. Склоняюсь все же к мысли, что речь шла о племенных князьях, но их значение в общественно-политической жизни государства к тому к тому времени несколько уменьшилось и поблекло. Контекст известий о них в договоре 944 г. позволяет считать, что к ним относились не как к автономным и сильным владетелям, а как к подчиненным киевскому князю правителям племенных территорий. Об этом же, на мой взгляд, свидетельствуют и настойчивые упоминания в тексте договора 944 г. „всех людей Руския земли", людей всех русских — речь уже идет о населении державы с общей для всех территорий, в котором место племенных княжений и их глав делалось все более скромным.

Вместе с тем, вожди княжений чувствовали себя достаточно уверенно и в годы правления Игоря. Недаром формула его договора с греками в части, касающейся глав племенных княжений, осталась по смыслу неизменной со времен Олега. В преамбуле договора 911 г. речь идет о том, что русские послы пришли от Олега, светлых и великих князей, соглашения же 944 г. — от Игоря и всякого княжья (ПВЛ. I. С. 25-26, 35).

Подавление самостоятельности, а далее автономии племенных княжений на первом этапе существования дружинного государства проходило медленно и трудно. Все же „Повесть временных лет” рисует картину в общем последовательного распространения центральной власти на земли племенных княжений: „Поча Олег в воевати древляны и примучив а, имаше на них дань по черне куне” (ПВЛ.1.С.20). Далее настала очередь северян и радимичей. Вначале в состав формировавшегося государства вошли южнорусские (плюс радимичское) племенные княжения. Древнерусская государственность в конце IX – первой половине X в. складывалась в основном на юге.

Земли присоединяемых к Киеву племенных княжений сразу же огосударствливались, прежде всего – путем распространения на них систем взимания дани, суда и администрации. По мнению А.А. Шахматова, в Начальном изводе 1095 г. читалось, что во времена Олега к государству на какое-то время удалось присоединить и уличей²⁰. После середины 880-х годов летопись как бы забывает об Олеге и вспоминает о нем в описании событий похода на Греков 907 г. Из перечисления племен, принявших участие в походе, узнаем, что в состав государства к тому времени вошли еще княжения вятичей, хорватов и дулебов.

Но пребывание племенных княжений в составе державы длительное время было непрочным. Смена князя в Киеве обычно приводила к отпадению от центральной власти сильнейших среди них. Под 913 г. „Повесть временных лет” сообщает: „Поча княжити Игорь по Олзе. И деревляне затворишася от Игоря по Олгове смерти” (ПВЛ.1.С.31). И Ольге, и Святославу, и Владимиру приходилось начинать правление с возвращения под свою власть племенных княжений, отпавших было от Киева. Все же к середине X в. первый этап складывания Древнерусского государства и, соответственно, существования дружинного государства можно считать завершенным.

В годы *второго этапа истории дружинного государства* – княжения Ольги и Святослава (944–972 гг.) – укрепились политические и социальные связи внутри страны, уменьшилась власть и авторитет племенных князей. Были сделаны существенные шаги на пути упорядочения систем сбора и нормирования дани, полюдьё отошло на второй план. Центр ввел административную и судебную власть в ряде новых областей страны. Ольга начала свое правление с решительных мер по регламентации дани и организации опорных пунктов центральной власти на местах (ПВЛ.1.С.43). Умные, дальновидные и целенаправленные действия Ольги привели к огосударствле-

нию большей части племенных княжений, превращению их земель в государственную территорию Киевской Руси.

Третий и заключительный этап в жизни *дружинного государства* на Руси охватывал княжение в Киеве Ярополка (972–978 гг.) и первую половину общерусского княжения Владимира. Была завершена инкорпорация племенных княжений в состав государства, определилась, пусть и в общем виде, государственная территория Руси. Укрепилась единоличная власть и авторитет князя. Административная и судебная системы, а также система взимания дани охватили всю страну. На мой взгляд, стоит сказать подробнее о начале княжения Владимира.

Время правления Владимира в Киеве можно с определенными оговорками считать не только заключительным этапом в существовании дружинной формы государственности, но и эпохой складывания государства Древнерусского вообще. В годы его княжения восточнославянское общество начинает приобретать феодальные черты. феодализация государства проходила медленно, растянувшись примерно на два столетия. В правление же Владимира родоплеменные черты в общественной жизни были весьма ощутимыми. Источники, а это почти исключительно летописи, содержат слишком скудную и чаще всего неполную информацию об этом, что не всегда позволяет делать однозначные выводы. Ограничусь лишь несколькими аспектами государственной деятельности Владимира: укреплением княжеской власти, ликвидацией племенных княжений и реформой язычества.

Само понятие единовластия в „Повести временных лет” впервые применено под 977 г. в отношении старшего брата Владимира Ярополка: „А Ярополк посадники своя посадите в Новгороде, и бе володея един в Руси” (ПВЛ. I. С. 54). Впрочем, единовластие Ярополка было недолгим, потому что через год он потерял и Киев, и престол, и жизнь. Мне кажется, что Нестор задним числом приспособил это понятие к фигуре Ярополка, — поскольку Владимир „переехал” его власть. А уж Владимир действительно стал „самовластцем” Русской земли. Под 980 г. (как известно, правильная дата 978 г.) летопись торжественно сообщает: „И нача княжити Володимир в Киеве един” (ПВЛ. I. С. 56). Единовластие решающим образом возвысило авторитет верховного суверена и способствовало сплочению государства, начавшего постепенно превращаться в раннефеодальную монархию.

Свою знаменитую административную реформу, конечной целью которой была полная и окончательная ликвидация племенных княжений, Владимир Святославич подготовил должным образом. После вокняжения в Киеве в 978 г. он посадил преданных ему людей из числа своих дружинников в ряде городов Руси — местным племенным князьям он явно не доверял: „И

набра от них [варягов. — Н.К.] мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады”. Тогда же был посажен в Новгороде дядя и ближайший советник Владимира Добрыня (ПВЛ.1.С.56). Через несколько лет (дата „Повести”: 988 г., вне сомнения, условна) киевский князь повел административную реформу, рассадив сыновей по различным городам Древнерусского государства (ПВЛ.1.С.83).

Я убежден в том, что Владимир Святославич послал сыновей в те центры племенных княжений, верхушка которых особенно стремилась к независимости, а то и отделению от Киева. Естественно, что наиболее отдаленные от государственного центра и приближенные к внешним рубежам княжения, которые до этого времени пользовались значительной свободой, представляли наибольшую опасность для единства государства. Можно допустить, что, наряду с сыновьями, князь послал в разные земли и еще доверенных дружинников и бояр. Как писал В.В. Мавродин, „закончился длительный процесс объединения в едином государстве земель восточных славян. Племенные княжения исчезли. Не случайно именно к этому времени исчезают большие курганы типа Черной могилы в Чернигове, бывшие, по-видимому, погребениями светлых и великих князей”²¹.

Административная реформа Владимира вовсе не означала, что государство разделилось на 12 или даже более удельных княжеств. Наоборот, государственное единство Руси укрепилось. Сыновья Владимира были не князьями в тех городах, куда их послал отец, а лишь его наместниками. Не случайно Нестор подчеркивает, что киевский властелин мог свободно перемещать их из одного города в другой. Они полностью были в воле киевского князя и этим принципиально отличались от их предшественников — племенных князьков и старейшин, крепко сидевших в разных землях и опиравшихся на местные силы, ресурсы, традиции и противодействовавших центральной власти. Реформой 988 г. племенная аристократия была сломлена (и, видимо, частично истреблена), а земли княжений стали частями государственной территории.

Нуждается в коррективах и господствующий ныне в нашей историографии взгляд на религиозную реформу Владимира. Историки буквально следуют летописному рассказу об устройстве киевским князем пантеона из шести языческих богов в Киеве во главе с Перуном около 980 г. (ПВЛ.1.С.56). Однако еще в начале нашего столетия польский ученый С. Рожнецкий, исследовав рассказы „Повести временных лет” и Новгородской летописи о религиозной реформе Владимира в Киеве и Новгороде, пришел к выводу,

что в первичном тексте этого рассказа, предшествовавшего „Повести”, был назван один лишь Перун²².

Трудно сказать, был ли знаком со статьей Рожнецкого А.А. Шахов, пришедший несколько позже к мысли, что в повествовании Древнейшего киевского свода 1039 г. о поставлении „кумиров” не было никаких имен²³. Х. Ловмянский принял в целом мнение Рожнецкого и предположил, что шесть богов Владимирова пантеона появились лишь под пером составителя киевского извода 1073 г., игумена Никона, а в тексте Древнейшей летописи (которую он датирует временем около 1030 г.) стояло имя только Перуна²⁴.

Принимая хорошо аргументированное мнение Х. Ловмянского, замечу, что попытка Владимира установить на Руси культ верховного языческого божества Перуна выглядит симптоматичной. Она свидетельствует о стремлении князя к монотеистической религии. Владимир, вероятно, вполне логично считал, что единоличной власти должен соответствовать единый и общий для всех в стране бог. Однако реформа была обречена на неуспех, потому что старая языческая религия не соответствовала новым условиям жизни, новым отношениям в обществе, в котором начинал утверждаться феодальный способ производства.

Реформа язычества, проведенная Владимиром в начале его правления, не принесла желаемого результата. Языческие жрецы не стали опорой центральной власти. В 990 г. Владимир стремительно и решительно вводит христианство на Руси. Эта его новая реформа религии может быть принята не только как рубеж между языческой и христианской Русью, но и, с некоторой долей условности — как *водораздел между дружинным надплеменным и монархическим раннефеодальным государствами*.

22 S. Różniecki: Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie // Archiv für slvische Philologie, Berlin 1901, t. 23, s. 504 i in.

23 А.А. Шахматов: Указ. соч. С.139, 140, 556.

24 H. Łowmiański: Religia Słowian i jej upadek. Warszawa 1986, s. 114–118.